

RU

Лиминальные и транзитные пространства в мобильных практиках

Кудрявцева В. И., Сатыбалдина Д. К.

Аннотация. Цель исследования - проанализировать лиминальные и транзитные пространства в аспекте мобильности. На основании теоретических концепций философов и практических работ социологов и антропологов в статье формулируются ключевые подходы к описанию лиминальных и транзитных пространств, выявляется их специфика в рамках антропологии мобильности, исходя из полиформизма повседневных мобильных практик индивида. Научная новизна исследования заключается в проведении демаркации понятий «лиминальное пространство» и «транзитное пространство» в контексте мобильности. В результате исследования продемонстрирована специфика пространственного модуса лиминальности, произведена дифференциация лиминальных пространств и транзитных пространств в мобильных практиках.

EN

Liminal and Transitional Spaces in Mobile Practices

Kudriavtseva V. I., Satybalдина D. K.

Abstract. The aim of the research is to analyse liminal and transitional spaces in the aspect of mobility. Using philosophers' theoretical concepts and sociologists' and anthropologists' practical studies, the paper formulates the main approaches to the description of liminal and transitional spaces, provides insight into the specificity of these spaces within the framework of the anthropology of mobility based on the polyformism of an individual's everyday mobile practices. Scientific novelty of the research lies in demarcating the notions of "liminal space" and "transitory space" in the context of mobility. As a result of the research, the specificity of the spatial mode of liminality has been demonstrated, the differentiation between liminal spaces and transitional spaces in mobile practices has been made.

Введение

В научном дискурсе концепт лиминальности формируется с начала XX века, однако до сих пор в полной мере не представлено исследование феномена лиминальных пространств и не дано четкой дефиниции этого термина. Понятием «лиминальный» обозначают переходное состояние, сопряженное с экзистенциальными переживаниями, чаще всего это слово используется в антропологии и психологии. В Проективном философском словаре лиминальность трактуется как «стадия перехода системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов» (Тульчинский, 2002). Нас интересует, прежде всего, пространственный аспект лиминальности, экспликация которого позволит дифференцировать транзитные и лиминальные пространства в мобильных практиках.

Основная часть

В повседневной культурной практике чаще всего описание лиминальных пространств происходит через призму отсутствия человека, они интерпретируются как «пустые места», нахождение внутри которых или созерцание которых вызывает тревожные чувства. Наблюдается процесс мистификации лиминальных пространств в обыденном сознании, например, в Интернете созданы сайты, на которых размещаются фотографии мест, маркируемых пользователями как лиминальные, зачастую при описании таких мест фигурируют нарративы, связанные с пограничными состояниями или сверхъестественными явлениями. Примеры лиминальных пространств визуализируются не только как архитектурные объекты, но и как природные места (<https://media-xyz.com/ru/articles/1709-galereia-liminalnye-prostranstva-chto-eto-i-v>). В качестве признаков лиминального пространства в этом аспекте выделяются заброшенность, пустыньность, безвременность, неестественность, безлюдность, анонимность, пограничность, направленность на субъект, попавший в данное

пространство. Таким образом, лиминальные пространства наделяются метафизическими характеристиками, что, на наш взгляд, обусловлено распространением психологической интерпретации феномена лиминальности.

Пространственный модус лиминальности упоминается в работах авторов, использующих концепт лиминальности для осмысления актуальных проблем в современном обществе и культуре, в категорию лиминальных пространств, которые разделены на искусственно созданные (переходные пространства) и естественные (природные ландшафты), они включили не только конкретные территории, но и, например, Интернет (Федорова, 2021; Фусу, 2018, с. 77). Под переходными пространствами подразумевались аэропорты, гостиницы, то есть места, которые традиционно относят к транзитным пространствам. На этом примере можно продемонстрировать, что не существует четкого разграничения между лиминальными и транзитными пространствами, однако мы считаем, что необходимо осуществить демаркацию этих понятий.

Основоположник концепции лиминальности А. ван Геннеп (1999) полагал, что в древности нейтральные зоны выполняли функцию границы заселенных мест, и процесс физического перехода с одной территории на другую был сакрализован как возможность нахождения между двумя мирами. А. ван Геннеп назвал такой переход промежуточной ситуацией и экстраполировал его на церемонии, подчеркнув важность промежуточных (лиминарных) обрядов, демонстрируя на многих примерах, как происходит «отождествление перехода через различные социальные ситуации с *материализованным переходом* (вхождением в деревню или дом, с переходом из одной комнаты в другую, переходом через улицу, площадь)» (с. 173).

В. Тэрнер (1983), комментируя введенный А. ван Геннепом термин «лиминальный», уточняет: «...его употребление обнаруживает прежде всего интерес к единицам пространства и времени, в которых поведение и символика мгновенно высвобождаются из-под гнета норм и ценностей, которые управляют общественной жизнью держателей структурных позиций» (Тэрнер, 1983, с. 231).

Лиминальное пространство может пониматься как часть социального пространства, которое связано с качественным изменением, а не только с перемещением, как в случае транзитного пространства. Эту специфику отмечают и зарубежные исследователи, продолжающие традицию описания лиминальности, заложенную В. Тэрнером и ван Геннепом, например, в рамках религиозной архитектуры к таким пространствам приписываются притворы, атриумы и портики в храмовых сооружениях (Foletti, 2018, с. 110). Многими исследователями подчеркивается трансграничность лиминального пространства, которое воспринимается как «момент или период времени, в течение которого отдельные люди, группы или общества переживают ритуальные “переходы” из одного “состояния” в другое, – и это образное пространство. <...> ...лиминальное пространство также можно понимать как физическую пространственную конструкцию» (Shortt, 2014, с. 6).

Пространственный аспект лиминальности отражен в исследованиях литературных жанров: «...лиминальная фаза является промежуточной, переходной, амбивалентной кондицией “ни там, ни тут”, в недрах которой индивид отделяется от нормативного контекста и путем трансформации создает оппозиционно противоположный мир. Соответственно, лиминальная фаза обретает значение специальной, несомненно, сакральной, пространственно-временной зоны» (<https://www.irmaratiani.ge/teoria.htm>).

Таким образом, в рамках подхода, заданного А. ван Геннепом, следует разделять лиминальные пространства (лат. *limen* – порог) и транзитные пространства (лат. *transitus* – переход). Специфика лиминального пространства заключается в двойственном назначении: переход имеет символическое содержание и предполагает изменение состояния после перемещения.

При зарождении описаний практик пребывания мобильных индивидов в социальных пространствах исследователями прежде всего отмечались аспекты бесполезности, пустоты и отстраненности. Однако со временем антропологи и социологи стали находить подтверждения тому, что время «в пути» – это не время, потраченное «впустую» (Watts, Urry, 2008). Тем не менее, тот факт, что люди пытаются адаптироваться в транзитном пространстве или не-местах при помощи вещей, временных коммуникаций, погружения в онлайн-среду, не отменяет того факта, что человек сталкивается с «другим», нетипичным и неудобным пространством, к которому устоявшиеся повседневные практики неприменимы без трансформаций.

В связи с этим складываются основные сценарии пребывания в таких пространствах, поскольку временные затраты на это значительны (особенно это неизбежно и актуально для жителей городов): в транзитном пространстве чаще всего происходит автоматизированное перемещение, требующее минимальных вложений (перемещение по навигации, следование инструкциям, движение в общем потоке людей, отстраненность), а в не-местах, по большей части, наблюдаются попытки индивидуального «оживления», «оживания». Музыка, фильмы, подкасты, аудиокниги и книги обычные, подключения к онлайн-конференциям, игры – все это дает шанс на индивидуализацию и в какой-то степени производство собственного пространства в не-местах, но, тем не менее, не дает преодолеть их подавляющую всеобъемлемость (Hannam, Sheller, Urry, 2006; Микроурбанизм: город в деталях, 2014). Даже бездействие, молчание и обездвиженность являются практикой, дающей представление о порядке исследуемого пространства, поскольку, по Лефевру (2015), оно переживается пользователем, «а не репрезентируется (осмысляется), становясь “ситуационным”» (с. 353-354).

Феномен не-места к настоящему моменту достаточно укоренился в гуманитарных науках. Его описания можно встретить в работах М. Оже, М. Серто, З. Баумана, Г. Зиммеля, А. Филиппова. Однако каждое из предложенных описаний имеет свои особенности. Например, для Марка Оже (1992), «если место может быть определено как создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории, то пространство, не определяемое ни через идентичность, ни через связи, ни через историю, является не-местом» (с. 36). Эти

не-места уже отходят от исторической связности, которую демонстрировали буржуазные города с их пассажирами, вокзалами и ресторанами. Важно отметить, что для Оже место как пространство включенности не имеет границ с не-местами, они находятся в постоянном процессе становления и переплетения. Интересно, что для Оже пребывание в не-местах связано с новым опытом одиночества – одиночества в толпе людей. В связи с этим мы можем предположить, что указанные выше практики овеществления пространства, огораживания, переход в воображаемое или виртуальное пространство становятся в том числе и способом преодоления особого типа одиночества – одиночества, порождённого не-местами.

Серто (2013), описывая путешествия, говорит о неподвижности тела и неподвижности вещей снаружи (с. 212), сотворяющих из пассажиров «зрителей» за стеклянной границей. Если опыт пассажиров поездов может носить позитивный характер, то сидящие в креслах самолетов, метро и автобусов, везущих людей из субурбий, могли бы не только поставить свой «зрительский опыт» под вопрос, но даже постараться его избежать. В этом смысле в свете концепции М. де Серто мы можем считать, что не-места становятся более сложными для реализации человека-деятели, чем город, созданный макроструктурами власти (Преснякова, 2015, с. 95). Нахождение собственных «тактик», а тем более «стратегий», потребует дополнительных физических и психологических усилий, поиска личных границ, поскольку «в этих местах почти невозможна целесообразная деятельность, точнее, она возможна и здесь, только как препровождение времени, а не как то, что диктуется логикой места» (Филиппов, 2012).

Дж. Урри (2012) в начале XXI века отметил, что появляются новые формы публичного поведения в общественных местах, или социальных пространствах.

Пролиферация мобильности производит новые социальные отношения, которые становятся частью сетевого капитала. «Люди особенно много звонят и рассылают сообщения, когда находятся в движении или в транзитном перемещении, и для современных городов характерно меньше “изолированности”, а больше соединенности частных миров благодаря разговорам на расстоянии» (с. 331). Таким образом, именно транспорт, улицы, вокзалы становятся ключевыми центрами коммуникации. Транзитным пространствам присуща амбивалентность, они соединяют в себе модусы статики и динамики. В классификации Дж. Урри транзитные пространства относятся к объектам, зафиксированным на месте, но при этом, будучи частью социальных пространств, они входят в места случайного движения.

Мобильность конституирует транзитные пространства для обеспечения постоянной динамики, создания условий для дальнейшего движения, ведь «городская среда должна обеспечивать всеобщий транзит и служить тотальной “маршрутизации” и “сериации” человеческой жизни» (Ганжа, 2012, с. 308). Более того, транзитные места обретают собственный порядок: навигацию, правила перемещения, структуру, направленную на повышение эффективности. Например, время поездки в московском метро характеризуется О. Запорожец (2013) предсказуемостью и наличием правил, что на самом деле позволяет пассажирам не просто подстраиваться под них, но и «приспосабливать существующие возможности к своим интересам» или избегать эти правила, пребывание в транзитном пространстве «заполняется действиями, не предписанными сценариями перемещения» (с. 12).

Авторский подход П. Слотердайка к пониманию мобильности генерализируется в рамках сферологии. Актуальность этого подхода подтверждается интересом исследователей, анализирующих сферологическую концепцию П. Слотердайка в отечественном и зарубежном философском дискурсе (Кудрявцева, Перцев, 2020; Хасиева, 2019; Шадов, 2018; Pitta, Weber, 2020; Pitta, 2019; Lemmens, Hui, 2017).

В сферической топологии П. Слотердайка (2007) форма пространства, его содержание, протяженность и постоянство появляются в результате обитания людей, пребывающих в пространстве сфер. Первая концепция жизненного пространства – это живое в кольце живого, или древняя модель сосуществования «жизнь-окруженная-жизнью», которая репрезентируется во всех формах групповой терапии. Человеческие группы как самосохраняющиеся величины «на всех количественных уровнях образуют вокруг себя и из самих себя своего рода “круги”» (с. 207).

Мобильные практики не влияют на имманентное пребывание людей в сферах, конституированных близкими отношениями, отсюда следует экзистенциальное вопрошание: «...где мы в действительности пребываем, когда полагаем, что находимся у себя дома в некоем регионе, некоей местности, некоем городе? ...совместное обитание в мире-месте подразумевает нечто большее, чем эгоцентричную оккупацию пространства несколькими людьми» (с. 201).

Такая констелляция характерна и для социальных групп: бытие-внутри или у-себя-бытие также неоднозначно и задает новый вектор для рефлексии соотношения «здесь» и «где-то еще».

«Где бы ни находились люди, их собственное место всегда указывает на какие-то другие места и ситуации. Сквозь всякое здесь-внутри просвечивает некое “внутри”, означающее “где-то еще!”. Каждая стена репрезентирует какую-то иную стену, всякий интерьер подразумевает какой-то другой интерьер, всякий выход из внутреннего положения вызывает другие исходы» (с. 203).

По Слотердайку, в условиях ослабления конвергенции места и самости поляризуются феномены самости без места и места без самости. Под местами без самости подразумеваются незаселенные территории, а также пространства, связанные с коммуникацией (вокзалы, аэропорты, моллы, улицы и т.д.), и места, которые обеспечивают временное нахождение (гостиницы, базы отдыха, ночлежки и т.п.). Таким образом, транзитные пространства в концепции Петера Слотердайка – это места без самости, пространства, в которых идентичность человека не связана с локальностью. Транзитные пространства не зависят от наполняемости посетителями и от укорененной коллективной самости, они предоставлены сами себе.

Заключение

Гипермобильность приводит к увеличению количества транзитных мест и снижению привязанности к месту как локальности, поскольку пространство становится «текучим» и «подвижным», а традиционные места укорененности (дом, рабочее место) теряют статус постоянных. Конституирование имманентного в мобильных практиках в лиминальных и транзитных пространствах репрезентируется через разные модели поведения. Однако, несмотря на тот факт, что люди пытаются изменить свое пребывание в транзитном пространстве в сторону эффективности (чтение и прослушивание книг, работа с телефонами и ноутбуками) или хотя бы избавления от негативных ощущений (прослушивание музыки, игры), оно все еще не обладает «качественными», или же включенными психологическими характеристиками. То есть, пассажир или пешеход в своих повседневных практиках в рамках мобильности сосредоточен на себе, но это не описывает полноту состояний пребывания в социальном пространстве. Именно здесь дополнением к множеству описаний не-мест и транзитных пространств становится лиминальное пространство с его направленностью на включенность и изменения в присутствующем субъекте.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках мобильных практик индивиды пребывают в множественности транзитных и лиминальных пространств, которые могут сосуществовать в рамках одной локальности: здания, территории, транспортной системы.

Источники | References

1. Ганжа А. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве // Логос. 2012. № 1 (85).
2. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
3. Запорожец О. Открытие метropolzovatelya: антропология городской подземки. 2013. URL: <http://www.knigi.konflib.ru/8ekonomika/113072-1-moskva-2013-redaktor-serii-wp6-gumanitarnie-issledovaniya-saveleva-zaporozhец-otkritie-metropolzovatelya-antr.php>
4. Кудрявцева В. И., Перцев А. В. Витальная геометрия П. Слотердайка: сферологический подход к пониманию человека // Общество: философия, история, культура. 2020. Вып. 12.
5. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015.
6. Микроурбанизм: город в деталях: сб. статей / под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
7. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: НЛО, 1992.
8. Преснякова Л. Повседневная мобильность в цифровом городе: стратегии vs тактики // Социология власти. 2015. Т. 27. № 4.
9. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниновой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
10. Слотердайк П. Сферы. Макросферология / пер. с нем. К. В. Лощевского. СПб.: Наука, 2007. Т. II.
11. Тульчинский Г. Л. Лиминальность // Проективный философский словарь. 2002. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/projective/articles/46/liminalnost.htm>
12. Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и авт. предисл. В. А. Бейлис. М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1983.
13. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. ст. Н. А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.
14. Федорова Г. М. Институированные и неинституированные ритуалы перехода: формы, содержание, цели и результаты // Материалы юнгианского симпозиума. 2021. URL: https://aapr.info/?page_id=13473
15. Филиппов А. А. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/paradoksalnaya-mobilnost>
16. Фусу Л. И. Человек современный, то есть лиминальный. Социальнофилософский анализ лиминальности в современном социуме: монография. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2018.
17. Хасиева М. А. Психосоциальный анализ архитектуры XX в. в философии П. Слотердайка // Философия и культура. 2019. № 1. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.1.28705
18. Шадов А. А. Сферология П. Слотердайка в контексте дискурса о воображении // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 1.
19. Foletti I. Liminality. Space and Imagination // Foletti I., Kravčíková K., Palladino A., Rosenbergová S. Migrating Art Historians on the Sacred Ways. Rím: Viella, 2018.
20. Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings // Mobilities. 2006. Vol. 1. Iss. 1. DOI: 10.1080/17450100500489189
21. Lemmens P., Hui Y. Reframing the Technosphere: Peter Sloterdijk and Bernard Stiegler's Anthropotechnological Diagnoses of the Anthropocene // Krisis. 2017. Iss. 2.

22. Pitta M. F. An “Anti-Orpheus” Essay: Cosmological Perspectivism as a Counterpoint to Sloterdijk’s Spherology // Griot - revista de Filosofia. 2019. Vol. 19. Iss. 3.
23. Pitta M. F., Weber J. F. Conquering the Tertium Datur: Sloterdijk in Defense of a “Cybernetic Anthropology” (between Heidegger, Gunther and Latour) // Trans-Form-Acao. 2020. Vol. 43. Iss. 1.
24. Sheller M., Urry J. The New Mobilities Paradigm // Environment and Planning. 2006. № 38 (2).
25. Shortt H. Liminality, space and the importance of “transitory dwelling places at work” // Human Relations. 2014. Vol. 68. Iss. 4.
26. Watts L., Urry J. Moving methods, traveling times // Environment and Planning D: Society and Space. 2008. № 26.

Информация об авторах | Author information

RU**Кудрявцева Валентина Ивановна¹**, к. филос. н., доц.**Сатыбалдина Диана Кайратовна²**^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург**EN****Kudriavtseva Valentina Ivanovna¹**, PhD**Satybaldina Diana Kairatovna²**^{1,2} Ural Federal University (UrFU), Yekaterinburg¹ remidosi@gmail.com, ² d.k.satybaldina@urfu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): лиминальные пространства; транзитные пространства; антропология мобильности; Слотердаijk; лиминальность; liminal spaces; transitional spaces; anthropology of mobility; Sloterdijk; liminality.